

Протоіерей Даніилъ Петровичъ Лебедевъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Утрата за утратой... Едва минулъ годъ послѣ смерти одного изъ выдающихся дѣятелей Смоленской епархіи, бывшаго смотрителя Смоленскаго духовнаго училища, протоіерея Іоанна Васильевича Аѳонскаго, какъ на томъ же самомъ кладбищѣ (Георгіевскомъ въ г. Смоленскѣ), гдѣ похороненъ и о. протоіерей Аѳонскій, явилась еще свѣжая могила, имѣющая не менѣе общепархіальнаго значенія, какъ и могила о. протоіерея Аѳонскаго: 20 сентября около 3-хъ часовъ по полудни скончался бывший ректоръ Смоленской духовной семинаріи протоіерей Даніилъ Петровичъ Лебедевъ. Покойный въ послѣднее время около года (съ декабря 1887 г.) страдалъ тяжкою болѣзнію (ракъ въ печени) и въ одно время уже всѣ было отчаялись въ его выздоровленіи, но старанія врачей и отъ природы сильный организмъ на время подняли покойнаго съ постели, но только на время, смерть взяла свое...

Въ виду того общепархіальнаго значенія и интереса, какой представляетъ собою личность покойнаго, передаемъ, насколько возможно, подробно жизнь и дѣятельность покойнаго.

Въ 1825 году у дьячка села Павловичъ, Сѣвскаго уѣзда, Орловской губерніи, Петра Лебедева родился сынъ, при святомъ крещеніи нареченный Даніиломъ. Это и былъ впоследствии ректоръ Смоленской духовной семинаріи. При его рожденіи въ семействѣ отца былъ только одинъ сынъ Теодоръ (нынѣ священникъ села Сѣннаго, Сѣвскаго уѣзда), года на два старше покойнаго, но послѣ него у его отца родились еще четыре дочери. Рано и очень рано, еще съ самыхъ юныхъ, нѣжныхъ лѣтъ, покойный познакомился съ горемъ. Средства отца были ограничены, а многосемейность недо-

статки и нужду дѣлала еще замѣтнѣе. Малюткою 10-ти лѣтъ, покойный¹⁾ подѣ фамиліей Княжескаго¹⁾ (фамилія его матери) опредѣленъ былъ въ Сѣвское духовное училище, гдѣ уже два года обучался его старшій братъ Θεодоръ. Содержать на свои средства двухъ сыновей было совершенно невымыслимо для дьячка села Павловичъ, у котораго на рукахъ были еще жена и четыре малолѣтнихъ дочери. Волею неволею дѣтямъ Θεодору и Даніилу Княжескимъ самимъ приходилось изыскивать средства существованія въ училищѣ. Много, разумѣется, вынесли и вытерпѣли братья. А тутъ еще новый ударъ—умираетъ ихъ мать, сиротами остаются четыре малолѣтнихъ сестры, изъ коихъ младшей—только два года. И вотъ братья, пріѣзжая подѣ родной кровъ на каникулы, сами ухаживаютъ за малютками, шьютъ имъ, какъ сами умѣютъ, одежду, кормятъ и поятъ ихъ изъ своихъ рукъ. Между тѣмъ время шло, мальчикъ Даніилъ Княжескій подросталъ, окончилъ успѣшно курсъ въ духовномъ училищѣ и въ 1843 году поступилъ въ Орловскую духовную семинарію. Крайняя нужда не оставляла его и въ теченіи всего семинарскаго курса. Однако, не смотря на это, а также и на то, что покойному приходилось и учиться, и въ то же время самому заботиться о кускѣ насущнаго хлѣба, онъ къ концу семинарскаго курса, по своимъ дарованіямъ и успѣхамъ, рѣзко выдѣляется изъ ряда товарищей и, какъ лучшій воспитанникъ, подѣ фамиліей Лебедева въ 1849 году посылается на казенный счетъ въ Кіевскую духовную академію. Только здѣсь могъ свободно вздохнуть молодой студентъ Лебедевъ; ему не нужно уже было заботиться о «завтрашнемъ днѣ» и онъ свободно могъ отдать себя наукѣ. Благо-

¹⁾ Эту фамилію покойный носилъ до самаго своего поступленія въ академію, когда ему была дана отцовская фамилія—Лебедевъ, его же старшій братъ Θεодоръ и по настоящее время носятъ фамилію Княжескаго.

даря своимъ дарованіямъ и той энергіи, съ какою покойный работалъ надъ своимъ образованіемъ, онъ скоро обратилъ на себя вниманіе академическаго начальства. Въ то время академическое начальство имѣло обыкновеніе лучшимъ студентамъ академіи предлагать монашескій санъ. И покойному, какъ лучшему студенту, неоднократно дѣлалось такое предложеніе. Но онъ каждый разъ отклонялъ его, чувствуя себя болѣе склоннымъ къ семейной жизни. Въ 1853 году покойный окончилъ академическій курсъ, при чемъ причисленъ былъ къ первому разряду воспитанниковъ академіи. Въ томъ же 1853 году 31 октября покойный былъ назначенъ въ Смоленскую духовную семинарію преподавателемъ герменевтики, толкованія Св. Писанія, греческаго и латинскаго языка. Въ 1855 году 18 января былъ назначенъ наставникомъ миссіонерскаго отдѣленія, а 23 мая того же года возведенъ на степень магистра богословія. Съ 13-го февраля 1856 года по 17-е мая 1860 года, помимо преподавательскихъ обязанностей проходилъ должность помощника инспектора семинаріи. По случаю открытія въ высшемъ отдѣленіи Смоленской духовной семинаріи общаго класса ученія о русскомъ расколѣ вмѣсто занятій въ миссіонерскомъ отдѣленіи и вмѣсто чтенія греческихъ и латинскихъ писателей ему 10 сентября 1858 года поручено было преподаваніе русскаго раскола въ общемъ классѣ высшаго отдѣленія. Съ 16-го февраля 1858 года по 16-е апрѣля 1860 года онъ проходилъ должность наставника гражданской всеобщей и русскаго исторіи въ Смоленскомъ училищѣ двѣицъ духовнаго званія. 5 марта 1860 года былъ произведенъ во священника къ Смоленскому кафедральному собору съ оставленіемъ за нимъ должностей, занимаемыхъ имъ въ семинаріи, а 19 октября слѣдующаго 1861 года перемѣщенъ къ Смоленской заградской Нижне-Николаевской церкви настоя-

телемъ. Съ 8 ноября 1864 года по 27 марта 1869 года, согласно указу Св. Синода, проходилъ должность цензора Смоленскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Постановленіемъ правленія семинаріи, утвержденнымъ епархіальнымъ преосвященнымъ, въ силу проекта преосвященнаго Антонія, епископа Смоленскаго, утвержденнаго Святѣйшимъ Синодомъ, 29 ноября 1865 года удостоенъ званія старшаго наставника съ назначеніемъ членомъ присутствія. Съ 15 сентября 1865 года по 1 января 1868 года, по избранію съѣзда домовладѣльцевъ г. Смоленска, состоялъ членомъ Смоленскаго уѣзднаго земскаго собранія. Съ 23 декабря 1865 года по 1 января 1868 года, по избранію того же земскаго собранія, состоялъ членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта со стороны земства. Съ 14 февраля 1866 года по 1 января 1868 года, по избранію Смоленскаго губернскаго земскаго собранія, состоялъ членомъ губернскаго училищнаго совѣта со стороны земства. 1 января 1868 года, по случаю преобразованія учебной части въ Смоленской духовной семинаріи отъ преподаванія Св. Писанія и герменевтики былъ уволенъ и перемѣщенъ на классы пастырскаго богословія, гомилетики и литургіи. Съ 27 августа 1866 года по 15 іюня 1867 года по распоряженію правленія семинаріи, утвержденному епархіальнымъ преосвященнымъ, временно, за выбывшаго наставника, преподавалъ нравственное богословіе и обличеніе раскола. Съ 1867 года по 1874 годъ онъ неоднократно исполнялъ должность ректора семинаріи и профессора богословскихъ наукъ, а именно съ 12 января по 8 апрѣля 1867 года; съ 21 сентября по 18 октября 1870 г., съ 26 января по 6 февраля 1872 г., съ 15 іюня по 15 сентября 1874 г. 31 іюня—14 августа 1866 г. по баллотировкѣ съ утвержденія епархіальнаго преосвященнаго, опредѣленъ чле-

номъ педагогическаго собранія правленія семинаріи. Съ 28 сентября 1867 года по 7 октября 1868 года, въ силу указа Смоленской духовной консисторіи, проходилъ должность члена экзаменаторскаго комитета для испытанія кандидатовъ священства. Въ іюнь 1868 года, іюль 1871 года, въ февралѣ и мартѣ 1874 года, по распоряженію правленія семинаріи, утвержденному епархіальнымъ преосвященнымъ, обозрѣвалъ Рославльское и Бѣльское училища, за что и объявлена была ему признательность преосвященнаго Іоанна, бывшаго Смоленскаго епископа. 7 октября 1868 года по избранію педагогическаго собранія правленія Смоленской духовной семинаріи, Святѣйшимъ Синодомъ утвержденъ въ должности инспектора семинаріи. Съ 3 декабря 1874 года по 27 марта 1875 года временно преподавалъ психологію; съ 27 марта 1875 года по 12 іюня того же года — литургику; съ 15 октября 1876 года по 10 февраля 1877 года — греческій языкъ. 3 августа 1877 года согласно избранію общаго собранія Смоленской духовной семинаріи, Святѣйшимъ Синодомъ утвержденъ въ должности ректора семинаріи съ возведеніемъ въ санъ протоіерея. Съ 1 ноября 1881 года по 20 іюня 1882 года и съ 12 декабря по 10 февраля 1883 года временно преподавалъ гомилетику. Съ 23 февраля по 7 марта 1882 года, по распоряженію правленія семинаріи, утвержденному епархіальнымъ преосвященнымъ, обозрѣвалъ Бѣльское духовное училище. Съ 5 сентября по 1 декабря, по распоряженію правленія временно преподавалъ Св. Писаніе; а съ 11 сентября по 10 октября 1884 года — догматическое и нравственное богословіе. 17 сентября 1884 года указомъ Святѣйшаго Синода уволенъ отъ должности ректора семинаріи, по прошенію, и епархіальнымъ начальствомъ опредѣленъ священникомъ къ Петропавловской заградской церкви, баковую должность и проходилъ до іюля мѣсяца настоящаго

года, когда усилившаяся болѣзнь вынудила его оставить прохожденіе должности приходскаго священника. Изъ наградъ покойный имѣлъ: набедренникъ (съ 15 августа 1860 г.), скуфью (съ 10 іюля 1863 г.), камилавку (съ 12 мая 1866 г.), наперсный крестъ (съ 7 апрѣля 1871 г.), орденъ св. Анны 3-й степени (съ 4 апрѣля 1876 г.), орденъ св. Анны 2-й степени (съ 20 апрѣля 1880 г.) и сверхъ того магистерскій крестъ, ученой степени присвоенный. Выдающаяся личность покойнаго невольно побуждаетъ насъ остановиться на нѣкоторыхъ болѣе выпуклыхъ сторонахъ его дѣятельности, а именно на его отношеніяхъ къ воспитанникамъ въ качествѣ преподавателя и его отношеніяхъ къ корпораціи преподавателей семинаріи въ качествѣ начальника семинаріи.

Въ должности инспектора и потомъ ректора семинаріи покойный преподавалъ въ VI классѣ догматическое богословіе, собственно первую часть его, до вопроса о Лицѣ Иисуса Христа. Сравнительно уроковъ покойнаго было немного, всего три урока въ недѣлю, но эти уроки никогда не забудутся его слушателями. Пишущему эти строки приходилось слушать уроки по догматическому богословію въ стѣнахъ академической аудиторіи, и онъ долженъ сознаться, что, оставляя по окончаніи лекціи аудиторскую залу, онъ часто, бывало, невольно переносился мыслию въ Смоленскъ на догматическіе уроки покойнаго отца протоіерея Даниіла Петровича Лебедева, невольно сопоставлялись въ его сознаніи академическая и семинарская кафедрa по догматикѣ и каждый разъ невольно являлось въ его душѣ чувство благоговѣнія предъ необычайной силою мысли, глубокаго анализа, путемъ котораго покойный создавалъ на своихъ урокахъ цѣльную, стройную картину мірозданія и Божественнаго Промысла о человѣкѣ. Не сухое, безжизненное и потому лишенное силы,

развитіе преслѣдовалъ онъ; нѣтъ, онъ былъ противъ этого. Онъ развивалъ сознаніе воспитанниковъ, будилъ ихъ мысль, но развивалъ и будилъ *жизненно*. Сознаніе и жизнь, мысль и дѣйствительность у него были тождественны. Слушателямъ его хорошо было извѣстно его обычное на классныхъ занятіяхъ выраженіе: «жизни больше, больше жизни». Мы подчеркиваемъ эти слова, подчеркиваемъ потому, что они прекрасно характеризуютъ классныя занятія покойнаго. Не живости въ отвѣтахъ, не вообще внѣшней развязности требовалъ онъ отъ воспитанника этими словами; нѣтъ, но чтобы мысль воспитанника не была только отвлеченнымъ книжнымъ, сухимъ матеріаломъ, ненужнымъ балластомъ, въ жизни часто только раздвояющимъ сознаніе чловѣка, а чтобы теоретическія знанія воспитанниковъ были, такъ сказать, пропитаны жизненнымъ элементомъ, были полны настоящею, дѣйствительною жизнью.

Живо, какъ теперь, помнятся уроки покойнаго о. протоіерея Д. П. Лебедева. Его уроки въ сознаніи всѣхъ вообще воспитанниковъ семинаріи всегда какъ то бывало особенно выдѣлялись изъ ряда другихъ уроковъ; воспитанники знали имъ цѣну. Сами слушатели покойнаго, воспитанники VI класса, обыкновенно какъ то особенно выростали и въ своемъ сознаніи и въ сознаніи другихъ воспитанниковъ семинаріи и именно потому, что имѣли право слушать покойнаго. И жутко и весело бывало ждать прихода въ классъ о. ректора. И это понятно. Въ теченіи урока онъ, бывало, по два, по три раза подниметь каждаго воспитанника. А отвѣчать на его вопросы было не легко: анализа даже самой простой мысли и анализа глубокаго, всесторонняго онъ требовалъ отъ воспитанника. Ходилъ въ классъ онъ обыкновенно съ тетрадкой ²⁾, положить ее, бывало, предъ собой, заглянеть въ

²⁾ Имъ былъ составленъ цѣлый курсъ догматическаго богословія и будетъ очень жаль, если онъ не увидитъ свѣта.

нее разъ — другой, и урокъ начинается. Покойный самъ обыкновенно намѣчалъ только какую нибудь догматическую мысль и затѣмъ остальное раскрытіе ея предоставлялъ уже самимъ воспитанникамъ. Въ послѣднемъ и заключался весь интересъ его урока. Нужно было видѣть покойнаго, нужно было слышать его, чтобы представить его, путемъ быстрыхъ, разностороннихъ вопросовъ, постепенно, шагъ за шагомъ вводящаго классъ во внутреннюю сущность того или другаго догматическаго вопроса. Тогда, по видимому, все забывалъ покойный, живя только созерцаніемъ одной догматической мысли, которую, какъ ножомъ, онъ путемъ анализа, рѣзалъ на части, снимая съ нея одинъ за другимъ покровы таинственности. При этомъ быстрота, съ какою смѣнялись въ его сознаніи представленія, была поразительная; онъ, какъ говорится, на лету ловилъ мысль, дѣлая быстрые и часто неожиданные переходы отъ одного положенія къ другому. Здѣсь то во всей своей силѣ сказывалась рѣдкая и замѣчательная разносторонность его познаній; на одномъ и томъ же урокѣ услышишь, бывало, данныя, приводимыя имъ для доказательства того или другаго догматическаго положенія, изъ области философіи, психологіи, филологіи, естественной науки и даже математики. Неудивительно поэтому, что онъ всецѣло овладѣвалъ умами своихъ слушателей; неудивительно, что его отрывочная, по видимому даже несвязная, простая, безыскусственная классная рѣчь всегда производила на сознание воспитанниковъ такое глубокое, а часто даже подавляющее впечатлѣніе. Сидя за партой, большинство изъ насъ обыкновенно записывало его слова; но помню, бывало, иногда невольно опустишь карандашъ, заслушаешься, смотря на покойнаго, и только семинарскій звонокъ напомнимъ, что у тебя карандашъ въ рукахъ. Уясняя такимъ способомъ ученіе христіанской догматики, покойный въ теченіи года толь-

ко изрѣдка дѣлалъ репетиціи пройденнаго. Намъ бреваясь сдѣлать такую репетицію, онъ выходя, по окончаніи урока, изъ класса, обыкновенно говорилъ: «завтра повторимъ». Помню хорошо, что для насъ очень было страшно это «завтра повторимъ». И это понятно. Наше сознание было еще слишкомъ молодо, чтобы воспринять всю глубину и силу мысли покойнаго, а отъ этого наши отвѣты, воспроизводя сказанное, были лишены той рельефности, той души, какая жила въ объясненіяхъ самого покойнаго. А «срѣзаться» на репетиціи, «по о. ректору» было для насъ хуже остраго ножа.. Помимо классныхъ занятій покойнаго, которыя надолго остались въ памяти бывшихъ его слушателей, позволимъ себѣ указать еще на двѣ заботы его, не имѣвшія, правда, прямой связи съ уроками по догматическому богословію, но характеризующія его, какъ человѣка—иниціатора, человѣка, глубоко понимавшаго задачи семинарскаго образованія и высоко цѣнившаго характеръ міровоззрѣнія воспитанника. Мы говоримъ объ организаціи имъ въ стѣнахъ семинаріи вечернихъ чтеній и собесѣдованій, и о его работахъ по созданію новаго типа проповѣди—простонароднаго поученія. Живо интересуюсь характеромъ міровоззрѣнія воспитанника, слѣдя за малѣйшими внѣшними проявленіями движеній его внутренняго міра, покойный, въ видахъ большей возможности слѣдить за этими движеніями и давать имъ должное направленіе, въ актовомъ семинарской залѣ устроилъ «чтенія». Для этого послѣ ужина всѣ воспитанники семинаріи, безъ различія классовъ, собирались въ семинарскую актовую залу. Туда же приходилъ и покойный, приходилъ запросто, приходилъ, какъ отецъ приходитъ въ кругъ родныхъ дѣтей. Придетъ, бывало, и сядетъ за парту; его немедленно же окружаютъ воспитанники, одни сядутъ около него, другіе станутъ вокругъ группой. Одному изъ воспитанниковъ, обыкновенно

старшаго курса, покойный, по своему выбору еще напередъ — приблизительно за недѣлю, — поручалъ прочитатъ какую нибудь статью (чаще всего читали «Космосъ» Бэнера) и сдѣлать изъ нея экстрактъ. Когда, съ приходомъ покойнаго, все успокоится въ залѣ, лекторъ всходитъ на кафедру и начинаетъ чтеніе экстракта прочитанной статьи. Интересъ такихъ чтеній, помимо самаго содержанія чтенія, заключался главнымъ образомъ въ комментаріяхъ, которыми сопровождалось обыкновенно чтеніе лектора. Комментаріи эти носили тотъ же характеръ, какимъ отличались и его уроки по догматическому богословію. Они были разносторонни, необыкновенно живы и жизненны. Нѣтъ нужды говорить о пользѣ такихъ чтеній; развивая въ воспитанникахъ чувство уваженія къ покойному, какъ къ умственному руководителю и авторитету, съ одной стороны, и пополняя матеріальныя познанія воспитанниковъ, съ другой, они въ то же время развивая ихъ мысль, заставляли — если и не всѣхъ, то многихъ и очень многихъ — серьезнѣе вдумываться въ окружающія ихъ явленія и сознательнѣе относиться къ нимъ. Другое дѣло — это созданіе имъ новаго типа проповѣди — простонароднаго поученія. Дѣло это по истинѣ великое дѣло и по тому значенію, какое оно имѣетъ въ дѣлѣ пастырскаго служенія, и по тѣмъ трудамъ, какіе требовались для того, чтобы вдѣрнуть въ сознаніе воспитанниковъ необходимость такой проповѣди, а главное, чтобы выучить ихъ писать такія проповѣди. Только такая энергія и такой желѣзный характеръ, какимъ надѣлена была натура покойнаго, могли справиться съ этимъ дѣломъ, дѣломъ совершенно новымъ, по своей идеѣ, никогда дотошъ не бывавшимъ въ стѣнахъ семинаріи. Задавшися цѣлію уничтожить прежнія, схоластическія начала, лежавшія въ основаніи церковнаго проповѣдничества, покойный опускалъ рѣдкій урокъ гомилетики, обык-

новенно являясь въ классъ вмѣстѣ съ преподавателемъ. Здѣсь онъ подолгу говорилъ воспитанникамъ о нравственныхъ нуждахъ простаго сельскаго люда, его религіозной неразвитости, о непригодности для него прежнихъ отвлеченныхъ, испещренныхъ риторическими формами и приѣмами проповѣдей, о необходимости для него простаго, жизненнаго слова и т. д. Въ качествѣ перваго опыта воспитанники, по мысли покойнаго, должны были простонароднымъ живымъ, жизненнымъ языкомъ, не прибѣгая къ какимъ либо искусственнымъ оборотамъ рѣчи, передавать на бумагѣ евангельскія событія, затѣмъ воспитанники постепенно переходили къ болѣе отвлеченнымъ предметамъ, составляли поученія на чинъ литургіи, символъ вѣры и т. д. И сколько личной энергіи, труда положилъ покойный на это дѣло! Достаточно сказать, что каждое поученіе каждаго воспитанника лично исправлялось имъ по четыре — по пяти разъ. И это дѣло онъ продолжалъ не годъ и не два ³⁾. Въ виду этого, нисколько не погрѣшая противъ истины, можно сказать, что изъ его рукъ вышла цѣлая школа новыхъ сельскихъ проповѣдниковъ слова Божія, примѣнившихъ къ жизни проповѣдническую идею своего учителя. Такимъ былъ покойный, какъ учитель.

Нельзя обойти молчаніемъ еще одной стороны въ жизни покойнаго о. протоіерея Лебедева; ибо и въ этой сторонѣ, какъ нельзя лучше, также сказался его умъ, высокое пониманіе жизни и неизмѣнная вѣрность разъ выработаннымъ убѣжденіямъ, — словомъ обрисовался его характеръ. Эту сторону составляло положеніе покойнаго какъ начальника заведенія въ его отношеніяхъ къ своимъ сослуживцамъ. Какъ начальникъ заведенія (ректоръ семинаріи) о. протоіерей Д. Лебедевъ былъ замѣчательно простъ и гуманенъ въ отноше-

³⁾ Одно время въ приложеніи къ Смоленскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ была напечатана цѣлая серія такихъ опытовъ простонароднаго поученія.

ніи къ своимъ сослуживцамъ. Въ немъ не было и тѣни неестественности, напыщенности, высокомерія, не замѣтно было нисколько и такъ называемаго «начальническаго тона». Его высокое развитіе, несомнѣнно, подсказывало ему, что не въ этихъ свойствахъ заключается сила начальника и его авторитетъ въ средѣ своихъ подчиненныхъ. Сознавая свое высокое общественное положеніе, онъ умѣлъ соразмѣрить его съ правами своихъ сослуживцевъ, равныхъ ему по образованію. Все въ Д. П. было просто и естественно, начиная съ его внѣшности, манеры держать себя въ обществѣ и кончая самымъ способомъ его бесѣды съ другими. Чтобы яснѣе видѣть отношенія покойнаго протоіерея Лебедева въ должности начальника духовно-учебнаго заведенія къ своимъ сослуживцамъ, лучше всего обратить вниманіе на тѣ стороны въ жизни покойнаго, которыми онъ непосредственно соприкасался съ жизнію и дѣятельностью преподавателей семинаріи. Отношеніе его къ товарищамъ — сослуживцамъ сами собой видны будутъ, если мы обратимъ вниманіе на слѣдующія стороны въ жизни покойнаго: а) предсѣдательствованіе его по должности ректора въ правленіи семинаріи; б) посѣщеніе уроковъ преподавателей; в) присутствіе въ учительской комнатѣ въ промежутки между уроками и г) посѣщеніе домовъ и квартиръ своихъ сослуживцевъ въ качествѣ гостя.

Предсѣдательствуя въ правленіи семинаріи, покойный о. протоіерей Д. Лебедевъ любилъ привлекать къ участію въ обсужденіи педагогическихъ вопросовъ весь наличный семинарскій персоналъ, всѣхъ преподавателей. При немъ большею частію были общія собранія вмѣсто педагогическихъ и никто не предоставлялъ въ правленіи такой свободы при обсужденіи педагогическихъ вопросовъ, какъ покойный о. протоіерей Лебедевъ. И это дѣлалъ онъ даже тогда, когда въ правленіи высказывались мнѣнія, которыя шли въ разрѣзъ

съ мнѣніями о. ректора и при томъ высказывались иногда даже въ нѣскольکو рѣзкой формѣ. Къ чести покойнаго о. ректора, онъ никогда не обижался этимъ, давая тѣмъ самымъ понять, что въ своемъ сознаніи онъ стоитъ выше всякихъ недоумѣній.

Посѣщеніе уроковъ преподавателей не было одной простой формалистикой, выполненіемъ требованій семинарскаго устава; оно не имѣло и характера стѣснительнаго контроля занятій преподавателя. Этому посѣщенію покойный о. протоіерей, какъ видно, придавалъ очень важное и нѣскольکو своеобразное значеніе. Являясь на уроки къ преподавателямъ, покойный о. протоіерей скромно занималъ мѣсто между воспитанниками семинаріи и, если шло спрашиваніе учениковъ, онъ сразу вмѣшивался въ дѣло, а если продолжалось объясненіе урока, онъ начиналъ слушать. Долго слушать объясненіе онъ не любилъ и, видно, начиналъ скучать, въ особенности, если замѣчалъ разсѣянность учениковъ. Ему хотѣлось провѣрить, понимаютъ ли ученики преподавателя, нѣтъ ли въ объясненіи чего либо недоступнаго для ихъ развитія. И вотъ онъ начиналъ обращаться къ ученикамъ. Тутъ онъ пускалъ въ ходъ свой любимый эротематическій способъ обученія. Не обладая точнымъ, спеціальнымъ знаніемъ по каждому предмету семинарскаго курса (что трудно и почти невозможно), но имѣя общее высокое развитіе, онъ тотчасъ же ставилъ вопросы, вызывая учениковъ на самостоятельность. Въ короткое время онъ, бывало, переспросить всѣхъ учениковъ. Работа идетъ живо, хотя иногда и уклоняется отъ прямой своей цѣли; весь классъ превращается, что называется, въ слухъ и вниманіе. Видно, что жизненность преподаванія имѣла очень важное значеніе въ глазахъ покойнаго. Нерѣдко послѣ такихъ посѣщеній покойному о. протоіерею приходилось слышать отъ своихъ сослуживцевъ,

что онъ своимъ вмѣшательствомъ въ дѣло не далъ возможности выполнить, какъ слѣдуетъ, то, что было намѣчено сдѣлать въ данный урокъ. Подобныя заявленія были, очевидно, поспѣшны. Нѣтъ сомнѣнія, что въ присутствіи о. ректора ученики получали не меньше пользы: все, что было сдѣлано въ присутствіи о. ректора, запоминалось учениками навсегда, ибо до этого они доходили собственными силами. Своимъ вмѣшательствомъ въ дѣло покойный о. протоіерей Лебедевъ часто выдвигалъ для обсужденія такіе вопросы, надъ которыми стоитъ призадуматься каждому мыслящему человѣку. При обычномъ ходѣ преподаванія эти вопросы могли бы остаться и не разрѣшенными, хотя они имѣли не маловажное значеніе въ наукѣ. Его посѣщеніе уроковъ по этому было одинаково полезно какъ для него самого, такъ для преподавателя и учениковъ: все учились. Такимъ образомъ и эту сравнительно тяжелую и щекотливую обязанность (посѣщеніе уроковъ) онъ умѣлъ оживить, придавъ ей совершенно иное значеніе, чѣмъ какое ей обыкновенно принято придавать.

Приходъ о. протоіеря Лебедева въ учительскую комнату въ промежутки между уроками нисколько не стѣснялъ его сослуживцевъ. Приходу его напротивъ все были рады. Когда здѣсь подымался какой либо вопросъ, о. протоіерей Лебедевъ всегда принималъ самое живое и непосредственное участіе въ его обсужденіи. Въ свой разговоръ онъ нерѣдко вводилъ шутки и остроты, отчего разговоръ получалъ еще бдльшій интересъ. Особенно любилъ онъ привлекать къ общимъ разговорамъ молодыхъ своихъ сослуживцевъ, которые на первыхъ порахъ стѣснялись и несмѣло высказывали свои мнѣнія. Эти бесѣды оживляли и воодушевляли всѣхъ, служа въ то же время лучшими минутами отдыха послѣ урочныхъ занятій; послѣ такихъ бесѣдъ нерѣдко преподаватели уходили

на уроки веселые, бодрые и въ самомъ пріятномъ настроеніи духа. Эти же бесѣды служили лучшими основами для дружескаго общенія между собою сослуживцевъ. Посѣщая дома и квартиры своихъ сослуживцевъ въ качествѣ гостя, ректоръ Лебедевъ держалъ себя также просто и естественно. Также принималъ онъ товарищей у себя на квартирѣ. Не любилъ онъ торжественныхъ встрѣчь, не слѣшилъ занимать почетнаго мѣста, а радъ былъ побесѣдовать со всякимъ. Для бесѣды у него всегда находилось достаточно матеріала. Самой бесѣдѣ своей онъ умѣлъ придать интересъ. Не любилъ онъ употреблять въ своей рѣчи высокопарныхъ словъ; рѣчь его всегда была проста, естественна, жизненна. Дорожа простотою и естественностію изложенія своихъ мыслей, покойный не любилъ слышать напыщенную и высокопарную рѣчь другихъ. Въ такихъ случаяхъ покойный, обыкновенно, замѣчалъ своему собесѣднику: «что-то туманно, мудрено». Въ присутствіи его каждый чувствовалъ себя совершенно свободно и непринужденно. Собранія товарищей безъ ректора не имѣли той оживленности, какую онъ умѣлъ имъ придать. Такимъ былъ покойный..

Смоленское градское духовенство, корпорація преподавателей Смоленской духовной семинаріи и всѣ вообще, знавшіе покойнаго, горячо и искренно отозвались на 12 заунывныхъ ударовъ, раздавшихся часа въ 4, 20 сентября съ колокольни Спасской церкви и возвѣстившихъ о смерти протоіерея Д. П. Лебедева. Немедленно въ квартиру покойнаго явились священникъ Спасской церкви В. С. Кетлеровъ съ діакономъ П. Голенкинымъ и священникъ Георгіевской церкви П. П. Грибоѣдовъ; ими покойный былъ облаченъ въ священническія одежды; ими же вознесено было ко Всевышнему и первое моленіе «объ упокоеніи въ мѣстѣ свѣтлѣ» души новопредставляшагося. На другой день въ часъ дня паннихида была

отслужена ректоромъ семинаріи архимандритомъ Николаемъ въ присутствіи корпораціи преподавателей семинаріи; причемъ панихиду пѣлъ полный семинарскій хоръ. Такія панихиды отправлялись о. ректоромъ семинаріи ежедневно утромъ и вечеромъ, до самаго дня погребенія. Выносъ тѣла въ Георгіевскую церковь и погребеніе были назначены на 23 сентября (пятницу). Въ 9 часамъ утра 23 сентября въ квартиру покойнаго прибыли ректоръ семинаріи, архимандритъ Николай, настоятель Авраміевскаго монастыря, архимандритъ Иннокентій, градскій благочинный, священникъ Петропавловской церкви Константинъ Вишневскій, священникъ Смоленскаго кафедральнаго собора Петръ Богоявленскій, священникъ Спасской церкви Василій Кетлеровъ, законоучитель женской гимназіи, священникъ Гавріиль Каченовскій, священникъ Георгіевской церкви Павелъ Грибоѣдовъ, духовникъ семинаріи священникъ Іосифъ Алмазовъ, протоіерей женскаго Вознесенскаго монастыря Александръ Лавровскій, священникъ Одигитріевской церкви Романъ Бѣляевъ; корпорація преподавателей семинаріи, воспитанники семинаріи и множество Смоленскихъ гражданъ, почитавшихъ покойнаго. По совершеніи обычной литіи, при пѣніи церковной пѣсни «Помощникъ и Покровитель», началась печальная процессія. Гробъ отъ квартиры покойнаго и до Георгіевской церкви, на кладбищѣ которой было предназначено погребеніе, попеременно несли священники и преподаватели семинаріи. Предъ зданіемъ семинаріи процессія остановилась и была отслужена панихида. По прибытіи печальной процессіи въ церковь, началась божественная литургія, которую совершалъ ректоръ семинаріи, архимандритъ Николай, въ сослуженіи градскаго благочиннаго Вишневскаго, священниковъ: Кетлерова, Грибоѣдова, Каченовскаго и Геронтія Каверзнева. По окончаніи литургіи начался

проводъ ⁴⁾). который совершали: ректоръ семинаріи, протоіерей: Лавровскій, Каверзневъ, священники: Д. Ширяевъ, К. Вишне-
невскій, С. Каверзневъ, І. Протопоповъ, І. Алмазовъ, Н. По-
повъ, В. Кетлеровъ, Ф. Василевскій, Р. Бѣляевъ, П. Грибо-
ѣдовъ, Г. Каченовскій, Г. Каверзневъ, І. Соколовъ, С. По-
лубинскій. При погребеніи сказано было три рѣчи: послѣ
причастнаго стиха духовникомъ семинаріи, священникомъ
Іосифомъ Алмазовымъ; предъ началомъ провода — священни-
комъ церкви Богоугоднаго заведенія Николаемъ Поповымъ
и послѣ чтеній евангелій — соборнымъ священникомъ Сте-
фаномъ Каверзневымъ. Приводимъ эти рѣчи.

ПОУЧЕНІЕ,

сказанное при погребеніи протоіерея Д. П. Лебедева.

Дорогіе воспитанники духовной школы нашей и возлюблен-
ные о Господѣ духовныя чада!

Тяжелыя испытанія посылаетъ Промыслъ Божій нашей
епархіи. Неумолимая смерть безпощадною рукою вырываетъ
изъ среды нашей одного за другимъ честныхъ тружениковъ
на духовно-учебномъ поприщѣ. Едва прошелъ годъ съ того
времени, когда мы здѣсь же, (подъ сводомъ этого св. хра-
ма), съ тяжелою печалью на сердцѣ отдавали послѣднее цѣ-
лованіе одному изъ благороднѣйшихъ людей, мудрому вос-
питателю духовнаго юношества, бывшему смотрителю духовнаго
училища, о. протоіерею Іоанну. Не изгладился еще подъ все-

⁴⁾ Участвовать въ отпѣваніи покойнаго выразилъ желаніе Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Несторъ, но неожиданная болѣзнь вынудила его отказаться отъ этого желанія.